

НЕТ ПРОРОКА В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ: КЛЕВЕТА НА ИОАННА ЯКОВЛЕВИЧА КОРЕЙШУ

Говоря о подвиге жизни блаженного Иоанна Яковлевича Корейши, необходимо прежде всего отметить, кто был первым подвижником в новозаветные времена, которого называли безумцем и сумасшедшим. Разумеется, это Сам Господь Иисус Христос, воплощённая Истина. Его называли безумцем потому, что «правда мира сего», являющаяся по сути ложью, нагромождение фальшивых схем, несовместима с Истиной Божией. И то, что мудро для Бога, – безумно для так называемой мирской премудрости, и наоборот.

Отметив это, обратимся к подвигу Иоанна Яковлевича. Этот подвиг, называемый юродством, то есть мнимым безумием, вызывает наибольшее непонимание, особенно со стороны далёких от веры людей. Но и православные христиане нередко затрудняются определить своё отношение к юродству, которое, конечно, в своей полноте вряд ли может служить для кого-то жизненным примером (ради чего и совершается всецерковная канонизация, то есть «взятие за правило» жизни подвижника). Отдельные стороны этого подвига, имею в виду подлинное юродство, а не реальное сумасшествие и не симуляцию такового, несомненно нас укрепляют и поддерживают на пути следования заповедям Христа.

Очень важно отличать подвиг юродства от клинических патологий и от состояния обостренной потребности в самопрезентации. Юродивый – это далеко не сумасшедший и тем более не человек, который пытается привлечь к себе внимание, то есть истерик. Юродивый – это человек, который кладет все силы для того, чтобы победить самый трудно побуждаемый грех – тщеславие, фантазию о собственной мудрости. Такой человек отказывается идти на компромисс с «мудростью мира сего» и кажется по этой самой причине миру безумцем.

Юродивых мы не встретим в апостольском веке или в века мученичества. Юродивый появляется тогда, когда «соль утрачивает силу» – христианская община начинает жить по закону мира сего, а не по закону Божию, сохраняя при этом видимость и самосознание учеников Христовых, но не имея этого в подлинности, то есть не живя по заповедям. Живущий согласно заповедям Христа человек такой общине начинает казаться безумцем и опасным радикалом, подвергающим сомнению устои и традиции общества, спорящим с тем, что в обществе принято как норма.

В действительности эта норма есть ничто иное, как сформировавшееся двоемыслие: христианство на словах и антихристианство в поступках, позволяющее успокаивать совесть принадлежностью к истинной вере и мнимым смирением в признании своей грешности, при этом соблюдая жестокие законы выгоды и поклонение комфорту.

Такие исторические периоды всегда выпадают на века экономического и политического благополучия христианских государств и именно тогда появляются юридические, отвергающие подобную «норму».

Современными психологией и психиатрией не определены точно границы «нормы», прорисовка этих границ зависит от личных взглядов и личного опыта каждого специалиста, что подтверждено опытами (например, известный опыт Розенхана). Эта ситуация позволяет объявить психически нездоровым любого, кто отклоняется от представлений о норме конкретного специалиста, в том числе и сам специалист, на взгляд другого врача, тоже может быть ненормальным.

Чаще всего психической нормой считается общественно одобряемое поведение, что само по себе критерий с точки зрения христианского учения весьма сомнительный, ведь мы помним, что «мир во зле лежит». И, обращаясь к жизненному подвигу Корейши, надо напомнить, что блаженный Иоанн не проходил медицинского освидетельствования. Он был признан «сумасшедшим» вовсе не врачами, которые могли бы диагностировать клиническую патологию. «Обследовали» его чиновники, побуждаемые к своему, с позволения сказать, труду настойчивостью некоего влиятельного лица, обличённого Иоанном Яковлевичем в растрате казённых средств. Медицинская ценность такого «обследования» не то что стремится к нулю, а измеряется в огромных отрицательных величинах.

Обращает на себя внимание и так называемый «диагноз», который был поставлен: Психиатрическое заключение в скорбном листе юрдивого гласило: деменция (или слабоумие), *mania occupatio mentis in libro* (или помрачение на почве избыточного увлечения чтением), попросту «слишком умный».

Такой диагноз, особенно появившийся вследствие известных причин, не может быть назван ничем иным, кроме как клеветой. Давайте обратимся к определению понятия «клевета». «Клевета – заведомо ложная порочащая информация или распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

В жизни Иоанна Яковлевича мы сталкиваемся с двумя особенно значительными эпизодами клеветы, оказавшими влияние на его жизнь и отношение к нему общества. Первый эпизод уже упомянут – это обвинение Иоанна Яковлевича в якобы безумии, последовавшее за его смелым обличением и повлекшее за собой заключение в настоящую тюрьму с очень жестоким режимом (каковой по существу являлся тогдашний долхауз, «дом для умалишённых», относившийся к ведомству полицейского управления, а вовсе не к медицинским учреждениям) в Москве.

Отдельно нужно подчеркнуть, что «Клевету следует отличать от оскорбления, которое представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство». Обязательным элементом клеветы является заведомая ложность позорящих другое лицо измышлений о конкретных фактах, касающихся потерпевшего. Если лицо, распространившее ложные измышления, добросовестно заблуждалось относительно соответствия действительности распространяемых им сведений, однако высказывания его носили оскорбительный характер, оно может быть привлечено к ответственности за оскорбление, а не за клевету».

Как мы видим из известных нам событий жизни блаженного Иоанна, он не демонстрировал поведения, вызвавшего желание оказать ему медицинскую помощь, то есть поведения неадекватного, и поэтому обвинение его в безумии является именно намеренной клеветой.

Второй крупный, значительный эпизод клеветы происходит уже на зкате жизни Иоанна Яковлевича, когда некий Иван Пыжов в 1860 году, за год до кончины блаженного, с огромной энергией и запалом обрушился на почитаемого москвичами угодника Божия, с целью «развенчать» его образ. Пыжов встречался с самим Иваном Яковлевичем, однако тот отказался беседовать с гостем и произвёл на Пыжова впечатление самое обыкновенное, что не помешало однако Пыжову утверждать о его безумии и невменяемости. Современные исследователи жизни Ивана Яковлевича (А. Дугин, супруги В. и Т. Мельник и др.) отмечают, что И. Пыжов не скрывал своей изначальной глубокой неприязни к блаженному Иоанну Яковлевичу, ставя себе целью подогнать факты под свою теорию, что показывает его несостоятельность как исследователя. К сожалению, его сочинение получило широкую известность, на волне тогдашних споров об Иоанне Яковлевиче, и многие известные писатели того времени, выводя образ Иоанна Яковлевича в своих произведениях, пользовались именно пыжовским опусом, далёким от реального Корейши.

Любопытно, что Пыжов входил в кружок нечаевцев, вскорости после описываемых нами событий организовавших известное убийство студента Иванова, это событие впоследствии нашло отражение в романе Достоевского «Бесы». Этот эпизод тоже является примером не добросовестного заблуждения, а намеренной клеветы, поскольку при единственной личной встрече Пыжов никакого «безумия» у Ивана Яковлевича не увидел, да и в целом его обострённая неприязнь была направлена, скорее, не на личность блаженного, оставшуюся для Пыжова сокрытой, а на его авторитет в московском православном обществе, как и на само это общество, пожалуй.

Нельзя обойти вниманием открывающуюся перед нами картину: для одних Иван Яковлевич был, так сказать, «слишком либерален» и поэтому объявлен безумным, мол, начинался книжек и посмел критиковать вышестоящих! Для других он был «слишком ортодоксален» и поэтому объявлен безумным уже ими, испытывавшими отвращение к традиционному московскому благочестию и его проявлениям в почитании Иоанна Яковлевича. И те, и другие с огромным пылом ненавидели друг друга, но с полным единодушием в этом поносили угодника Божия блаженного Иоанна Яковлевича Корейшу, стараясь замазать ранящих их совесть облик чёрной краской клеветы. Таков механизм работы психологических защит, что, несомненно, является для нас очень поучительным.

Для христианского самосознания быть оклеветанным – это своеобразная награда, так как клевета действие безусловно и исключительно вражеское, злое – враг же восстаёт на тех, кто ему противостоит. Таким образом, намеренная клевета есть показатель нанесённого врагу урона, своеобразная «медаль» для христианина. *«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».* (Мф. 5: 11–12)

ДИСКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА ЕКАТЕРИНЫ ВАЛЕРЬЕВНЫ МАКАЛЕЦ

Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции: Вы сказали что какой-то личной беседы не состоялась или это только первая не состоялась, а потом был разговор? Или это уже мифологизация?

Екатерина Валерьевна Макалец, г. Москва: А это любопытный вопрос. Действительно, большинство информации об Иоанне Яковлевиче Пыжов получал по сведениям людей, которые у него были. Личной беседы у них практически не было. Иоанн Яковлевич ему либо отмалчивался и не отвечал вовсе, либо отвечал односложно, не вступил с ним в диалог по существу дела. Но Пыжов провел большую работу с людьми, общавшихся с Корейшей и исходя из этого он сложил впечатление, что Иоанн Яковлевич образован.

Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции: Если говорить о полемике в СМИ, то полемика предполагает и ответы. Были ли ответы, защищающие и Корейшу и других блаженных и юродивых?

Екатерина Валерьевна Макалец, г. Москва: Во-первых, это Сергей Голицын, во-вторых нужно назвать имя Киреева, замечательного исследователя. Был ответ, была реакция, довольно бурная со стороны многих исследователей и со стороны рядовых православных верующих. Известен факт, что издания с содержанием клеветы в адрес блаженных и юродивых сжигались на церковных дворах. Это говорит о том, что люди не принимали эту информацию, порочащую имена дорогих им людей. Реакция была, но из-за обстановки в СМИ полноценной полемики не получилось.

Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции: Когда запускался наш проект, была идея сделать маршрут в эту больницу, узнать, что там находится сейчас. Почему эта идея практически не осуществима сегодня?

Екатерина Валерьевна Макалец, г. Москва: Маршрут создать не получилось по той причине, что район Преображенское – это наиболее пострадавший район в советское время, он наиболее подвергся разрушению и здесь практически не осталось исторических линий, исторических зданий. Вот сейчас, Слава Богу восстановили храм Преображения Господня в Преображенском. Оставшееся здание психиатрической больницы, по нашим сведениям, на данный момент принадлежат институту приборостроения, находится на его территории. А данный институт не расположен к тому, чтобы там проводить экскурсии и ходили чужие люди. Что интересно, рядом находится психиатрическая больница, но это немножко не то место.